

Справедливости ради, взгляд Фу Лин'и трудно было назвать дружелюбным — он больше походил на голодного волка из снежной степи, который впервые за долгое время увидел добычу и так и норовил броситься прямо на неё!

В следующее мгновение Сюй Инбай услышал его короткий, резкий смешок.

Ли Куайцзы в гневе подскочил:

— Не смей проявлять неуважение к молодому господину!

Сюй Инбай поднял руку, останавливая поток ругательств, уже готовых сорваться с губ Ли Куайцзы, и кивком велел стоявшему рядом тюремщику отворить дверь.

Будучи особо опасным преступником, приговорённым к смертной казни, Фу Лин'и удостоился чести содержаться в одиночной камере министерства наказаний. Внутри неё повсюду валялась грязь, поднимался удушливый смрад крови, и Сюй Инбай едва заметно поморщился.

Даже проведя четыре месяца на заставе Цзяюйгуань — кровавом поле брани, где реки крови текли повсеместно, а тела убитых исчислялись миллионами, — Сюй Инбай так и не смог привыкнуть к запаху крови и не любил его.

Взгляд Фу Лин'и был мрачным и зловещим, зрачки казались непроницаемо-чёрными, пугающими до дрожи; он неотрывно следил за тем, как Сюй Инбай входит в камеру, и лишь тогда наконец шевельнулся, когда безупречно белые полы одежды Сюй Инбай замарались о тюремную пыль.

В его глазах смешались горечь и безумие.

Сюй Инбай не обратил на это внимания и окинул Фу Лин'и оценивающим взглядом.

Тот был облачён в рваные серые арестантские робы, сплошь покрытые засохшей кровью — казалось, их не стирали вечность. Волосы слиплись от запекшейся крови, руки и ноги сковывали покрытые багрово-красной ржавчиной кандалы, а цепи крепились к вбитым в стены массивным железным кольцам толщиной в ногу взрослого мужчины.

Сюй Инбай повернул голову и посмотрел на Фу Лин'и сверху вниз.

— Не умею.

— Хм, он говорит, что не умеет, — не меняя выражения лица, Сюй Инбай передал свёрток с лекарством Ли Куайцзы. — Ши-и, позови лекаря и принеси воды.

Иссиня-чёрные глаза Фу Линъи по-прежнему упорно впивались в испачканный край чужой одежды, и, прежде чем Сюй Инбай успел что-либо сказать, он произнёс — мрачно, но с заметным проблемом возбуждения:

— Ты ведь пришёл за мной, верно?

Сюй Инбай:

— ...С чего ты взял, что я пришёл вытащить тебя, а не забрать твою жизнь?

Хотя в прошлой жизни Фу Линъи тоже томился в Великой тюрьме, о нём кое-кто заботился, и условия были не столь плачевными — Сюй Инбай отлично помнил, что тогда Фу Линъи не был так прикован цепями.

Раздался до крайности хриплый голос — оставалось только гадать, как долго его хозяин хранил молчание.

— Не нужно лишних слов, я пойду с тобой.

Спина Фу Линъи на миг напряглась, но тут же он растянул губы в дикой, необузданной усмешке:

— Угадал.

Его голос, холодный, как ледник, делал и без того мрачную камеру ещё более зябкой.

Брови Сюй Инбай сошлись ещё круче: почему он выглядит даже хуже, чем в прошлой жизни?

Что-то здесь не так, подумал Сюй Инбай. В прошлой жизни ему пришлось приложить титанические усилия, чтобы уговорить Фу Линъи выйти на свободу.

— Докладываю великому наставнику, — спина тюремщика окаменела. — Этот малый совсем отбил от рук, пытался бежать раз за разом. У нас просто не было выбора, пришлось переломать ему ноги.

Его руки были подвешены высоко на стене, и он стоял на коленях в весьма неестественной позе. Вокруг валялось несколько раздавленных мёртвых крыс — разумеется, тюремщики не стали бы утруждать себя борьбой с грызунами, судя по всему, он справился с ними сам.

Ли Куайцзы топнул ногой: понимая, что отговорить хозяина не удастся, он лишь отрывисто бросил «есть» и молча вышел за дверь.

Всё потому, что Фу Линъи питал глубокую ненависть к императорскому двору, а если выражаться точнее — к членам правящего рода Великой Цзинь.

Ли Куайцзы встревоженно протянул:

— Молодой господин, так нельзя! А что, если этот безумец посмеет причинить вам вред?!

В прошлой жизни ему ведь хотя бы не ломали ноги! Какая муха укусила этого парня в нынешней?

Сюй Инбай опустил взгляд, размышляя пару мгновений, а затем повернулся к Ли Куайцзы:

— Вы с этим господином пока выйдите, я хочу кое о чём с ним поговорить.

— Что с его ногами? — нахмурившись, спросил Сюй Инбай.

Даже по одному голосу было понятно, что горло пленника наверняка зверски пересохло и болело.

Сюй Инбай:

— ...

Шёл семнадцатый год правления под девизом Чжэндэ — то есть эпоха императора Цзинь Ю-ди, отца нынешнего правителя Цзинь Лин-ди Вэй Чжана. Тогда племена Уцзюэ предприняли масштабное вторжение. Защищавший заставу Цзяюйгуань военачальник, маркиз Уань по имени Фу Да, приходился Фу Линъи отцом. После трёх месяцев жестоких боёв захватчики были отброшены, одержана полная победа, и добрая весть спешно домчалась из Цзяюйгуань в Чанъань.

По логике вещей, за победу полагались награды. Но поскольку Фу Да и без того носил титул маркиза Уань, повышать его было уже некуда, так что следовало одарить щедрыми дарами.

Однако время выдалось неблагоприятное: на семнадцатый год Чжэндэ обрушилась великая засуха, сорвавшая с мест и лишившая крова бесчисленные толпы простого народа. К началу восемнадцатого года Чжэндэ пришла ещё и снежная буря. Император Ю-ди, слепо веривший в духов и божеств, решил, что это небесная кара, и немедленно приказал Цзиньтяньцзянь ночами наблюдать за небесными знамениями. В конце концов астрологи пришли к выводу, что причиной гнева небес стала избыточная кровожадность.

В ту пору евнух Лю Ман и министр ритей Энъ Идэ подали докладную записку, заявляя, будто подчиненные маркиза Уань перебили пленных воинов Уцзюэ. Они возвели навет на Фу Да,

утверждая, будто резня началась с него: за три месяца боёв он перебил бесчисленное множество вражеских солдат, закопав их живьём, чем и навлёк гнев небес, обрушивших на Великую Цзинь засуху и метели.

Бездарный и глупый Ю-ди поверил этой ложь, пришёл в ярость и без всякого расследования приказал истребить весь род маркиза Уань до третьего колена за то, что тот казнил пленных без предварительного доклада наверх.

Несколько министров, поддерживавших с маркизом добрые отношения, неоднократно подавали прошения о помиловании, но не смогли заставить императора изменить решение — напротив, сами были разжалованы и преданы опале.

Лю Ман выехал из Чанъаня с императорским указом и отрядом стражников прямо в Цзяюйгуань. Сверкнули клинки, и весь клан маркиза Уань — свыше ста человек — был вырезан под корень. Земля пустыни обогрилась кровью членов семьи Фу. Они погибли не от рук грозных врагов из Уцзюэ, а пали от мечей собственных соотечественников!

Жалкая участь выпала на долю маркиза Уань, чьи предки веками охраняли заставу Цзяюйгуань во благо Великой Цзинь и никогда не помышляли об измене, а закончили вот так. Невозможно было не горевать о случившемся.

Поговаривали, что тела членов семьи Фу тайком подобрали и предали земле местные жители. Боясь разоблачения, они даже не стали ставить надгробных камней — погибших спешно похоронили на безымянном кладбище среди песков Цзяюйгуань.

Но никто не ожидал, что род Фу не пресекся полностью: кто-то умудрился спрятать и уберечь от гибели девятилетнего тогда Фу Линъи, позволив ему ускользнуть!

Одиннадцать лет спустя Фу Линъи вернулся в Чанъань с мечом за спиной и в годовщину гибели сотни сородичей вырезал всю семью министра ритуалов Энъ Идэ!

Позднее при попытке покушения на евнуха Лю Мана он был схвачен. Лю Ман, снедаемый ужасом и яростью, требовал предать юношу мучительной казни через разрезание на куски, но в конце концов — быть может, в Ю-ди проснулась совесть — Фу Линъи оставили целое тело, отложив казнь на осень.

Мэй Юн, некогда поддерживавший дружеские связи с маркизом Уань, узнав об этом, приложил невероятные усилия, чтобы спасти Фу Линъи жизнь. Однако с той поры Фу Линъи лишился свободы: если бы не нашлось человека, способного выволить его оттуда, его ждали либо бесконечные тюремные годы, либо тот день, когда император случайно вспомнит о нём и задаст лишний вопрос — тогда исправить уже ничего бы не удалось, спасения не осталось.

Столь жуткая месть — в прошлой жизни Сюй Инбай буквально силой вытолкнул Фу Линъи за ворота тюрьмы.

С точки зрения Фу Линъи, служить цепному псу императорского двора и всей династии было куда противнее, чем гнить в застенках!

Тогда Сюй Инбай считал себя человеком хотя и обладающим некоторой долей излишнего в смутные времена милосердия, но отнюдь не пай-мальчиком. Он дал слово Мэй Юну вытащить Фу Линъи наружу, а раз пообещал — значит, непременно сделает. Видя, что Фу Линъи упрямится, он попросту принял обличье коварного царедворца и пригрозил: если тот не пожелает покинуть Великую тюрьму добровольно, он лично займётся полным истреблением остальных шести ветвей клана Фу.

Фу Линъи скрипел зубами от злости, готовый вцепиться зубами в горло Сюй Инбаю, но ради памяти близких был вынужден покориться.

В дальнейшем ему пришлось повозиться с Фу Линъи, словно приучая дикого волка или одомашняя орла, пока удавалось кое-как удерживать на коротком поводке этого норовистого злого духа.

А нынче всё оказалось до смешного просто: слова ещё не сорвались с губ, а Фу Линъи уже сам рвется следовать за ним.

Не подменили ли этого человека?

Сюй Инбай протянул руку, ухватил Фу Линъи за спутавшиеся чёрные пряди, его чистые изящные пальцы зарылись в грязные волосы, заставляя парня запрокинуть голову.

Дыхание Фу Линъи на секунду участилось, от резкого рывка заныла кожа головы, спина выпрямилась струной. В его голосе прозвучала тяжёлая затаенная злоба, смешанная с неуловимым оттенком паники:

— Не трогай... грязно!

Исходя из того, как люто Фу Линъи ненавидел его в прошлой жизни и был готов прикончить при первой возможности, Сюй Инбай вполне закономерно счёл, что слово грязно адресовано ему самому.

— Да я ещё не брезгую тобой, — холодно бросил Сюй Инбай, тщательно осматривая лицо Фу Линъи, проверяя, не надета ли на него маска из человеческой кожи. — С чего это тебе распускать язык.

Никакой маски под пальцами не ощущалось: перед ним стоял самый настоящий, неподдельный Фу Линъи. Никакого подвоха.

Он нахмурился.

Фу Линъи уже собирался заговорить, но Сюй Инбай машинально перехватил чашу с водой, протянутую Ли Куайцзы, и поднёс её к губам юноши.

Фу Линъи выпил всё без малейших колебаний.

После чего Сюй Инбай, снизойдя до простого арестанта, присел на корточки, чтобы тому было удобнее утолить жажду.

— Я не держу дармоедов, — глядя на Фу Линъи, произнёс Сюй Инбай. — Я вытаскиваю тебя потому, что мне нужна послушная и острая дамасская сталь — чтобы убивать врагов и защищать самого себя.

— В воде, которую ты только что выпил, был яд, — наблюдая за переменами в лице собеседника, продолжил Сюй Инбай. — Будешь послушным — не умрёшь.

Вопреки ожиданиям, вспышки ярости не последовало: выражение лица Фу Линъи почти не изменилось. Услышав последние слова, он снова издал хриплый смешок, полный безумия. Это был второй раз, когда он смеялся — впервые он улыбнулся, лишь увидев Сюй Инбая.

Сюй Инбай по какой-то причине почувствовал, что в этом смехе кроется что-то восторженное, опасное и вместе с тем нежно-трепетное.

— Я буду слушаться.

Тихое обещание Фу Линъи долетело до его слуха.

Этой же ночью в Великой тюрьме скончались пятеро смертников, и в списках мертвецов значилось имя Фу Линъи.

В Резиденции великого наставника Се Цзинвэй с удручённым видом ужинал вместе с Сюй Инбай. У Сюй Инбай аппетита не было вовсе: сделав пару ложек, он отложил палочки, а когда Се Цзинвэй украдкой принялся выковыривать из пиалы зелень, тут же получил лёгкий шлепок по тыльной стороне ладони.

— Не капризничай с едой.

Се Цзинвэй пришлось с кислой миной проглотить нелюбимые овощи.

— Доешь — и садись переписывать оставшиеся каноны.

Се Цзинвэй принялся со вздохом пересчитывать в тарелке рисинки.

Сюй Инбай взмахнул рукой и отвесил ему легкий подзатыльник.

— Наставник слишком строг с учеником, — тихо заныл Се Цзинвэй.

Сюй Инбай посмотрел на него:

— Вот вырастешь — и наставник перестанет тебя контролировать.

— Хм-м, — Се Цзинвэй демонстративно отвернулся, ни единому слову не веря.

— Управляющий Лю, — Сюй Инбай бросил взгляд на стоявшую на столе еду. — Собери порцию для того, кто поселился в западной комнате моего двора.

Управляющий Лю ответил коротким покровительством и, действуя проворно, тут же наполнил едой миску, отправляясь выполнять поручение.

Покои Сюй Инбаи находились в восточном крыле усадьбы. Шагая туда, управляющий Лю гадал, не прозрел ли наконец его молодой господин, раз уж вздумал привести в дом девицу. Однако, распахнув дверь назначенной комнаты, он на миг замер от изумления.

Никакой прекрасной девицы и в помине не оказалось — вместо неё обнаружился лишь мрачный и злобещий юноша.

На вид ему было чуть за двадцать — ровесник его светлости. Неизвестно, каким издевательствам тот подвергся, но выглядел он истощенным до предела, осунувшимся и почти исхудавшим до неузнаваемости, однако черты лица сохранили красоту: прямая переносица, глубоко посаженные глаза, раскосые внешние уголки глаз и пара сходящихся к переносице бровей, делавших всё его лицо суровым и источающим лютую злобу.

Облачённый в одежды простого слуги, он сидел за столом; левая нога покоилась на лубках — судя по всему, была повреждена. В тот самый момент, когда управляющий Лю отворил дверь, юноша резко вскинул голову, инстинктивно хватаясь за лежавший на столе кинжал. От него буквально волнами исходила смертоносная аура, и он в упор уставился на вошедшего звериным взглядом.

Ослепительный блеск клинка резанул по глазам, управляющий Лю от испуга едва не выронил поднос с едой.

Старик ни капли не сомневался, что в следующее мгновение этот тип перережет ему горло!

И с чего это молодой господин притащил в усадьбу столь свирепого зверя!

Управляющему Лю, человеку в годах, такие потрясения были не по силам. Дрожащими руками он опустил еду на стол, чувствуя, как буравящий взгляд следует за каждым его движением.

— Это молодой господин велел передать, — пробормотал он, отступая. — Кушайте на здоровье.

Произнеся это, он уподобился зайцу, за которым гонится сокол: в панике и спешке бросился вон из комнаты.

<http://bllate.org/book/18659/1798826>